

Hilf. S. 5

H.C.

REDAKTOR
Lec. Dykt. Baku

M. Sepuonmab

18

92
149
[Handwritten signature]

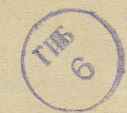
Проф. Е. Пьтуховъ.

М. Ю. Пермонтовъ.

Очеркъ его жизни и поэтической

дѣятельности.

№ 494.

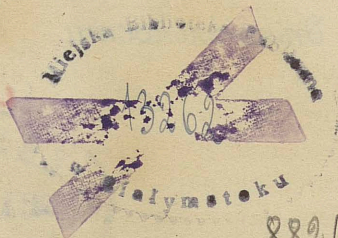

Книгоиздательство

Ф. У. Трескиной.

Рига, 1914.

12.546

882(091) = 82

LERMONTOV M,

М. Ю. Лермонтовъ.

Его жизнь
и дѣятельность.

(1814—1841).

Русская литература, особенно въ 19-мъ вѣкѣ, была богата поэтическими дарованіями; но, въ силу разныхъ условій, личныхъ и общественныхъ, многіе изъ русскихъ писателей преждевременно сошли съ литературнаго поприща, далеко не закончивъ выполненіе своихъ творческихъ плановъ и не исчерпавъ своихъ природныхъ поэтическихъ силъ. Къ числу такихъ писателей принадлежитъ и Лермонтовъ, столѣтнюю память котораго со дня его рожденія чествуетъ въ настоящее время вся образованная Россія. Не смотря на свою краткую жизнь, трагически прерванную въ самые цвѣтушіе годы поэта, онъ оставилъ намъ цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ поэтическихъ созданій, имѣющихъ великую цѣну, переведенныхъ на разные европейскіе языки и занимающихъ видное мѣсто въ историческомъ ходѣ нашей литературы.

I.

(1814—1834).

Дѣтство и
юность. — Учебные
годы. — Первые литературные опыты.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ родился 2 октября 1814 г. въ Москвѣ. Родъ его по отцу вель свое происхожденіе отъ Георга Лермонта, выходца изъ Шотландіи, попавшаго въ русскій плѣнъ при осадѣ польской крѣпости Бѣлой въ 1613 г. Отецъ будущаго поэта служилъ нѣкогда въ военной службѣ, но потомъ вышелъ въ отставку по болѣзни и жилъ въ своемъ родовомъ имѣніи Кроптовкѣ, Ефремовскаго уѣзда, Тульской губерніи; по сосѣдству лежало имѣніе помѣщиковъ Арсеньевыхъ, Васильевское, и здѣсь молодой Юрій Петровичъ встрѣтилъ Марью Михайловну Арсеньеву, сдѣлавшуюся вскорѣ его женой. Михаилъ Юрьевичъ былъ единственнымъ ребенкомъ отъ этого брака, сложившагося не подъ счастливой звѣздой. Семейное согласіе отца и матери Лермонтова продолжалось не долго. Хотя бракъ былъ заключенъ по взаимному влеченію, но вскорѣ сказалась большая разница характеровъ между женой и мужемъ; она привела ихъ къ семейному разладу, и, болѣзненная отъ природы, мать будущаго поэта вскорѣ умерла, оставивъ трехлѣтняго сына на попеченіе своей матери Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой, рожденной Столыпиной, богатой женщины, съ властнымъ и настойчивымъ характеромъ. Послѣ смерти жены, отецъ мальчика, обладавшій весьма скромными средствами и поневолѣ отказавшійся отъ воспитанія сына, уединенно жилъ у себя въ Кроптовкѣ и только повременамъ наѣзжалъ въ село Тарханы, Пензенской губерніи, гдѣ, въ своемъ родовомъ помѣстьѣ, жила Е. А. Арсеньева съ любимымъ внукомъ; въ эти пріѣзды, въ спорахъ съ Елизаветой Алексѣевной, Юрій Петровичъ не разъ пугалъ ее угрозой взять сына къ себѣ, но матеріальныя соображенія постоянно мѣшали ему выполнить свое желаніе.

Всѣ эти семейныя неурядицы, особенно несогласія отца и бабушки, любившей и чрезвычайно баловавшей мальчика, дѣйствовали болѣзненно на его дѣтское, отъ природы очень чувствительное и воспріимчивое сердце. Но бабушка старалась окружить внука всевозможной лаской и заботами. Будучи нѣсколько слабога сложенія и наклонный къ заболѣванію золотухой, Лермонтовъ съ ранняго дѣтства нуждался въ лѣченіи, и съ этой цѣлью онъ въ дѣтствѣ не разъ ѣздилъ съ бабушкой на Кавказъ; такимъ образомъ, природныя красоты этого волшебнаго края сдѣлались очень рано знакомы будущему поэту, оставивъ въ его душѣ живыя и яркія впечатлѣнія; въ послѣдствіи поэтъ не разъ вспоминалъ о могучемъ вліяніи Кавказа на его дѣтское воображеніе. Съ годами Лермонтовъ окрѣпъ здоровьемъ и жилъ въ домѣ бабушки очень подвижнымъ, шаловливымъ, капризнымъ мальчикомъ, окруженный сверстниками и сверстницами изъ родственниковъ и знакомыхъ; жилось у Е. А. Арсеньевой весело и людно. Уже въ ранніе отроческіе годы Лермонтовъ проявлялъ способности къ живописи и лѣпкѣ, но учился вообще слабовато; первыми учителями его были иностранцы-французы Жако и Капэ, а затѣмъ для изученія англійскаго языка былъ приглашенъ гувернеръ-англичанинъ Виндсонъ.

Когда пришло время отдать Лермонтова въ школу, то для этого выбранъ былъ Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ, гдѣ учились преимущественно дѣти богатыхъ дворянскихъ фамилій. Для подготовки внука къ вступительному экзамену въ Пансіонъ, Е. А. Арсеньева переѣхала въ Москву и поручила занятія съ мальчикомъ одному изъ воспитателей этого учебнаго заведенія, учителю русскаго и латинскаго языковъ А. З. Зиновьеву. Лермонтовъ поступилъ въ Пансіонъ, въ четвертый классъ, въ 1828 году и пробылъ въ немъ до весны 1830 года, когда, по новому вступительному экзамену, онъ зачисленъ былъ въ студенты нравственно-политическаго отдѣленія Московскаго университета; вскорѣ однако же онъ перешелъ на словесное отдѣленіе, которое ближе стояло къ его умственнымъ интересамъ. Въ университетѣ Лермонтовъ

впрочемъ пробыль тоже недолго; онъ оставилъ его лѣтомъ 1832 года, чтобы перейти въ Петербургскій университетъ; Е. А. Арсеньева согласилась исполнить желаніе внука, и съ этой цѣлью переѣхала вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ. Этимъ закончился періодъ ученія Лермонтова въ Москвѣ.

На пансіонскіе и затѣмъ въ особенности университетскіе годы Лермонтова падаетъ начало его серьезныхъ интересовъ къ литературѣ и поэтической дѣятельности. Хотя, будучи въ Пансіонѣ, Лермонтовъ много веселился въ домахъ многочисленныхъ родственниковъ бабушки, но учился хорошо и посвящалъ немало времени своимъ стихотворнымъ подражаніямъ Байрону, Пушкину и Жуковскому. Эти несамостоятельныя, иногда даже по заглавію, и незрѣлыя произведенія юнаго поэта („Черкесы“, „Кавказскій плѣнникъ“, „Корсаръ“, „Мой демонъ“ и др.) обнаруживаютъ однако же извѣстное умѣнье владѣть стихомъ и необыкновенную для такого возраста яркость поэтической мысли. Въ университетѣ Лермонтовъ учился мало и стоялъ въ сторонѣ какъ отъ товарищей, такъ и отъ профессоровъ; онъ по прежнему проводилъ время главнымъ образомъ въ кругу свѣтскаго общества, усердно посѣщалъ театры и много читалъ. Къ этому времени относятся: новый рядъ поэмъ („Джюліо“, „Литвинка“, „Исповѣдь“, „Азраиль“, „Ангелъ смерти“, первый набросокъ „Демона“, „Измаиль-бей“), три драмы („Испанцы“, „Люди и страсти“, „Странный человѣкъ“) и повѣсть „Вадимъ“. Кромѣ того, въ теченіе 1828—1832 годовъ Лермонтовъ сочинилъ до 300 мелкихъ стихотвореній. Если принять во вниманіе, что все эти произведенія, иногда довольно значительныя по объему, написаны были Лермонтовымъ въ возрастѣ 14—18 лѣтъ, то нельзя не удивляться въ немъ этой необыкновенной силѣ поэтическаго воображенія и напряженнаго труда. Лермонтовъ отразилъ въ нихъ свою собственную личность: окруженный матеріальнымъ довольствомъ, родственной любовью и заботами, онъ однако же тяготится жизнью, ищетъ забвенья, тоскуетъ; онъ презираетъ судьбу и міръ, живетъ безъ вѣры, жалуется

на „старость безъ сѣдинъ“, чувствуетъ усталость, груститъ, оплакиваетъ свою жизнь и все проклинаетъ „какъ лживый сонъ“, какъ обманчивую мечту; наконецъ, главнымъ источникомъ его страданій является нераздѣленная „погибшая любовь“.

Конечно, многое изъ этихъ признаній нужно отнести на долю литературныхъ вліяній и увлеченія современными романтиками — кромѣ Байрона, еще Шиллеромъ и Викторомъ Гюго —, но кое-что является тутъ и плодомъ собственныхъ душевныхъ переживаній и размышленій. Въ числѣ этихъ личныхъ тревогъ юнаго Лермонтова главную роль играли его думы объ условіяхъ и обстановкѣ своей семейной жизни. Почти не помня матери, Лермонтовъ былъ проникнутъ какой-то болѣзненной жалостью къ отцу; его душа страдала при видѣ той борьбы, которую вели за него любившая его бабушка и отецъ, несчастный своимъ одиночествомъ и безудержнымъ вспыльчивымъ нравомъ. Въ драмѣ „Люди и страсти“ (которой авторъ далъ нѣмецкое заглавіе „Menschen und Leidenschaften“) одно изъ дѣйствующихъ лицъ, несомнѣнно носящее на себѣ черты душевнаго облика самого автора, такъ говоритъ о себѣ: „Я здѣсь какъ добыча, раздираемая двумя побѣдителями, и каждый хочетъ обладать ею... Мой долгъ, долгъ природы и благодарности, — въ какой вы ужасной борьбѣ между собою!“ Нѣжная и почти инстинктивная привязанность мальчика къ отцу нашла себѣ оправданіе въ слѣдующемъ трогательномъ завѣщаніи, оставленномъ Юріемъ Петровичемъ сыну: „Благодарю тебя, безцѣнный другъ мой, за любовь твою ко мнѣ и нѣжное твое ко мнѣ вниманіе, которое я могъ замѣчать, хотя и лишень былъ утѣшенія жить вмѣстѣ съ тобою. Тебѣ извѣстны причины моей съ тобою разлуки, и я увѣренъ, что ты за сіе укорять меня не станешь. Я хотѣлъ сохранить тебѣ состояніе, хотя съ самою чувствительнѣйшею для себя потерю, и Богъ вознаградилъ меня, ибо вижу, что я въ сердцѣ и уваженіи твоёмъ ко мнѣ ничего не потерялъ. Прощу тебя увѣрить свою бабушку, что я вполне отдавалъ ей справедливость во всехъ благоразумныхъ поступкахъ ея въ отношеніи твоего воспитанія

и образованія и, къ горести моей, долженъ былъ молчать, когда видѣлъ противное, дабы избѣжать неминуемаго неудовольствія. Скажи ей, что несправедливости ея ко мнѣ я всегда чувствовалъ очень сильно и сожалѣлъ о ея заблужденіи, ибо, явно, она полагала видѣть во мнѣ своего врага, тогда какъ я былъ готовъ любить ее всѣмъ сердцемъ, какъ мать обожаемой мною женщины! Но Богъ да проститъ ей сіе заблужденіе, какъ я ей его прощаю." Отецъ Лермонтова умеръ еще до переѣзда сына въ Петербургъ.

Въ Петербургскомъ университетѣ Лермонтову учиться однако же не пришлось: здѣсь ему отказали въ зачетѣ двухъ лѣтъ, проведенныхъ въ Московскомъ университетѣ, и готовы были принять его лишь на первый курсъ; кромѣ того, въ это время поднятъ былъ вопросъ о томъ, чтобы увеличить время ученія въ университетахъ съ трехъ лѣтъ на четыре, а это обѣщало Лермонтову окончаніе курса лишь въ 1836 году. Между тѣмъ юноша рвался на свободу, желая какъ можно скорѣе стать въ независимое положеніе. Все это привело Лермонтова къ мысли избрать себѣ военную карьеру, о которой онъ прежде вовсе не думалъ, и вотъ — осенью 1832 года, по вступительному экзамену, онъ зачисленъ былъ унтеръ-офицеромъ въ Лейбъ-Гвардіи Гусарскій полкъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ученикомъ въ школу гвардейскихъ юнкеровъ. Двухлѣтній курсъ въ этой школѣ давалъ Лермонтову возможность выйти уже въ 1834 году въ офицеры. Такъ оно и случилось: хотя въ первый годъ Лермонтовъ, будучи въ школѣ, долго прохворалъ, вслѣдствіе полученнаго при учебной верховой ѣздѣ поврежденія ноги, однако вполне успѣшно выдержалъ переходный экзаменъ и, согласно нетерпѣливому ожиданію своему, Высочайшимъ приказомъ 22 ноября 1834 года былъ произведенъ въ корнеты Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка, стоявшаго тогда въ Царскомъ Селѣ.

Годы, проведенные Лермонтовымъ въ военной школѣ, во многомъ были не похожи на его жизнь въ положеніи московскаго студента. Тамъ, живя въ богатомъ и гостепріимномъ

домѣ бабушки, онъ въ сущности пользовался полной свободой, проводя время по своему желанію и располагая неограниченнымъ досугомъ для литературныхъ занятій или свѣтскихъ удовольствій. Въ военной школѣ, куда поступилъ Лермонтовъ и которая какъ разъ къ этому времени перешла въ вѣдѣніе великаго князя Михаила Павловича, онъ долженъ былъ подчиниться суровымъ требованіямъ порядка, о которомъ онъ и понятія не имѣлъ въ Москвѣ. Онъ обязанъ былъ жить въ школѣ, и лишь изрѣдка и на опредѣленное время могъ отлучаться въ отпускъ къ бабушкѣ; родственниковъ и знакомыхъ въ Петербургѣ было гораздо меньше; дружескаго женскаго общества, среди котораго Лермонтовъ охотно вращался въ Москвѣ, также не было. Между тѣмъ товарищеская жизнь въ школѣ налагала свои обязанности, и Лермонтовъ, самолюбивый и пылкій, поспѣшилъ поглубже окунуться въ нее, не желая ни въ чемъ отстать отъ товарищей. Тутъ мы видимъ его безшабашнымъ удалцомъ и участникомъ всякихъ шалостей. Особенно сблизжала юнкеровъ между собою лагерная жизнь, и, въ то время какъ въ Москвѣ Лермонтовъ сторонился своихъ товарищей по университету, здѣсь, напротивъ, онъ сблизился со многими: прежде всего со старыми московскими знакомыми и родственниками — Поливановымъ, Шубинымъ, Столыпинамъ, Юрьевымъ, а затѣмъ съ Шаховскимъ, Вонлярлярскимъ и другими; съ послѣднимъ онъ соперничалъ въ неистощимости остротъ и разсказовъ. У юнкеровъ явилась даже мысль заполнить свой досугъ изданіемъ рукописнаго журнала „Школьная Заря“, въ которомъ принялъ дѣятельное участіе и Лермонтовъ; однако помѣщенные тамъ стихотворенія его отличались низменнымъ содержаніемъ и, по сравненію съ прежними поэтическими занятіями въ Москвѣ, являются для развитія таланта Лермонтова нѣкоторымъ движеніемъ назадъ. Впрочемъ, если принять во вниманіе ту легкость, съ которой Лермонтовъ къ этому времени владѣлъ стихомъ, онъ написалъ въ эти юнкерскіе годы немного. Однимъ изъ лучшихъ лирическихъ произведеній этой поры является его стихотвореніе

„Парусъ“ (1832), въ которомъ Лермонтовъ выразилъ свое тревожное душевное настроеніе, стремленіе въ неопредѣленную даль, мечту о чемъ-то неизвѣстномъ, но неотразимо манившемъ къ себѣ его юное воображеніе :

Бѣлѣть парусъ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ . . .
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой ?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ ?

Играютъ волны, вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ . . .
Увы ! онъ счастья не ищетъ
И не отъ счастья бѣжитъ !

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой . . .
А онъ, мятежный, ищетъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой !

Соч. II, с. 16.

II.

(1834—1837)

Жизнь въ Петербургѣ
по выходѣ въ офицеры; литера-
турные труды Лермонтова въ эти годы. —
Стихи на смерть Пушкина. — Ссылка на Кавказъ.

Вступивъ по окончаніи школы въ самостоятельную жизнь, Лермонтовъ на первыхъ порахъ былъ полонъ самыхъ свѣтлыхъ ожиданій : „чудачества, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ“ — вотъ о чемъ прежде всего мечталъ онъ, по его собственнымъ словамъ, поселившись въ Царскомъ Селѣ вмѣстѣ со своимъ родственникомъ и товарищемъ А. А. Столыпинымъ. Въ сущности, это было бы продолженіемъ того, что

уже и раньше имѣлъ отчасти Лермонтовъ, но лишь съ прибавкой самостоятельнаго положенія въ обществѣ ; матеріально Лермонтовъ попрежнему зависѣлъ отъ бабушки. Ожиданія Лермонтова въ общемъ получили осуществленіе. Вотъ какъ отзывается о немъ знавшая его въ эту пору графиня Е. П. Ростопчина : „Насмѣшливый, ѣдкій, ловкій. Проказы, шалости, шутки всякаго рода сдѣлались его любимымъ занятіемъ ; вмѣстѣ съ тѣмъ, полный ума самаго блестящаго, богатый, независимый, онъ сдѣлался душою общества молодыхъ людей высшаго круга ; онъ былъ заповѣдой въ бесѣдахъ, въ удовольствіяхъ, въ кутежахъ, словомъ — всего того, что составляетъ жизнь въ эти годы“ . . . Но душа Лермонтова зрѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ развивались и его поэтическія силы. Въ общемъ, онъ стоялъ пока еще на старыхъ путяхъ литературнаго творчества, т. е. продолжалъ изображать, подъ разными наименованіями, самого себя, свои собственныя душевныя ощущенія, тревоги и думы. Сравнительно съ временемъ ученія въ школѣ юнкеровъ, въ эти два съ небольшимъ года свѣтской жизни, Лермонтовымъ написано было довольно много : четыре поэмы („Хаджи-Абрекъ“, „Бояринъ Орша“, „Сашка“, „Казначейша“), двѣ драмы („Два брата“, „Маскарадъ“), начало романа „Княгиня Лиговская“ и нѣсколько стихотвореній. По содержанію и общему характеру, „Казначейша“ и отчасти „Сашка“ примыкаютъ къ недавнему школьно-юнкерскому періоду жизни Лермонтова, причѣмъ послѣднее произведеніе заключаетъ въ себѣ много цѣнныхъ автобіографическихъ чертъ ; двѣ другія поэмы являются развитіемъ прежнихъ байроновскихъ сюжетовъ и настроеній : въ „Хаджи-Абрекѣ“ воспѣта кровавая месть, а въ „Бояринѣ Оршѣ“ представленъ, въ лицѣ Арсенія, „презрѣнный рабъ и сирота“, страдалецъ, обиженный жизнью, но сохранившій гордый духъ и непреклонную волю. Въ обѣихъ драмахъ, въ лицѣ Александра Радина („Два брата“) и Арбенина („Маскарадъ“), продолжая драматическіе опыты московской поры своей жизни, изобразилъ онъ опять-таки самого себя — человѣка съ острымъ, без-

покойнымъ умомъ и пылкимъ сердцемъ, мстительнаго, страдающаго и вѣчно тоскующаго эгоиста. Въ литературномъ отношеніи, болѣе удачнымъ произведеніемъ является драма „Маскарадъ“, передѣланная авторомъ въ 1835—1836 годахъ, еще два раза по требованію цензуры, такъ какъ Лермонтовъ добивался поставить ее на сценѣ; однако цѣль эта не была имъ достигнута; въ главномъ дѣйствующемъ лицѣ драмы изображенъ герой, руководимый въ своихъ поступкахъ эгоизмомъ и злобой, но и самъ страдающій отъ этого; онъ кончаетъ сумашествіемъ; драма цѣнна не только блестящимъ стихомъ, но и автобіографическими чертами. „Княгиня Лиговская“ есть набросокъ будущаго романа Лермонтова „Герой нашего времени“.

Среди этихъ поэтическихъ блужданій мятежнаго духа Лермонтова примиряющее настроеніе вноситъ стихотвореніе „Вѣтка Палестины“ (1836):

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

У водъ ли чистыхъ Иордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву-ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои шлетали
Солима бѣдные сыны?

И пальма та жива-ль понынѣ?
Все также-ль манить въ лѣтній зной

Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Или въ разлукѣ безотрадной
Она увяла, какъ и ты,
И дольний прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?

Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?

Иль Божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и божествомъ?..

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрной часовой!

Прозрачный сумракъ, лучъ лампы,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

Соч. II, с. 141—142.

Офицерская жизнь Лермонтова, протекавшая среди удовольствій и поэтическихъ занятій то въ Царскомъ Селѣ, то въ Петербургѣ, была неожиданно прервана въ концѣ января 1837 года событіемъ, взволновавшимъ тогда всю мыслящую Россію. 28 января трагически скончался Пушкинъ. Для Лермонтова, какъ и для многихъ въ тогдашней Россіи, Пушкинъ былъ не только великимъ поэтомъ, красой и гордостью русской литературы, но и благороднымъ олицетвореніемъ высокихъ

29

умственныхъ и душевныхъ стремлений; сдѣлавшись жертвой великосвѣтскихъ интригъ и неблагоприятно сложившихся семейныхъ обстоятельствъ, Пушкинъ вызвалъ своей смертью въ литературныхъ кругахъ и особенно среди молодежи глубокое сочувствіе къ себѣ и взрывъ негодованія противъ его враговъ; сдѣлалось извѣстно, что самъ императоръ Николай Павловичъ съ трогательной симпатіей отнесся къ умиравшему поэту и взялъ на свое попеченіе его семью. На тему о смерти Пушкина въ обществѣ шли безконечные разговоры и споры: одни всецѣло становились на сторону Пушкина, а другіе, подчиняясь великосвѣтской молвѣ, подыскивали оправданія для его противниковъ. Одна изъ такихъ жаркихъ бесѣдъ происходила на дому у Лермонтова, причѣмъ Лермонтовъ вполне стоялъ на сторонѣ Пушкина, а ему возражалъ его родственникъ камеръ-юнкеръ А. А. Столыпинъ; при разговорѣ присутствовалъ и другъ дѣтства Лермонтова, служившій тогда въ одномъ изъ петербургскихъ департаментовъ С. А. Раевскій. Желая вылить свои мысли и чувства на бумагу, Лермонтовъ написалъ, подъ вліяніемъ этихъ споровъ, извѣстное свое стихотвореніе „На смерть поэта“. Сначала это стихотвореніе заканчивалось такими стихами, полными глубокаго сочувствія къ погибшему поэту:

Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
 Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ, завистливый и душный
 Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
 Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ ничтожнымъ?
 Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ,
 Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей? . . .
 И прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнецъ терновый,
 Увитый лаврами, надѣли на него;
 Но иглы тайныя сурово
 Язвили славное чело . . .
 Отравлены его послѣднія мгновенья

Коварнымъ шопотомъ насмѣшливыхъ невѣждъ,
 И умеръ онъ съ напрасной жаждой мщенья,
 Съ досадой тайною обманурыхъ надеждъ . . .
 Замолкли звуки чудныхъ пѣсень,
 Не раздаваться имъ опять:
 Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ,
 И на устахъ его печать.

Соч. II, с. 203—204.

Но потомъ онъ присоединилъ къ этому еще 16 стиховъ съ выраженіемъ пламеннаго негодованія противъ тѣхъ, кого, не безъ основанія, многіе считали прямыми или косвенными виновниками смерти Пушкина. Стихотвореніе Лермонтова, въ дополненномъ такимъ образомъ видѣ, стало распространяться друзьями поэта, съ цѣлю прославленія его таланта, въ рукописныхъ копіяхъ. Молодежь волновалась, особенно при чтеніи второй половины стихотворенія: „Хотя мы хорошенько и не знали — говорить въ своихъ воспоминаніяхъ В. В. Стасовъ, учившійся тогда въ училищѣ правовѣдѣнія — да и узнать-то не отъ кого было, про кого это рѣчь шла въ строфѣ: „А вы, толпою жадною стоящіе у трона“ и т. д., но все-таки мы волновались, приходили на кого-то въ глубокое негодованіе, пылали отъ всей души, наполненной геройскимъ воодушевленіемъ, готовые, пожалуй, на что угодно, — такъ насъ подымала сила Лермонтовскихъ стиховъ, такъ заразителенъ былъ жаръ, пламенѣвшій въ этихъ стихахъ. Наврядъ-ли когда-нибудь еще въ Россіи стихи производили такое громадное и повсемѣстное впечатлѣніе“. Наконецъ, по поводу этого стихотворенія было возбуждено особое дѣло, окончившееся печально для автора: не смотря на хлопоты бабушки и заступничество вліятельныхъ родственниковъ, Лермонтовъ былъ переведенъ, 25 февраля 1837 года, на Кавказъ, въ Нижегородскій Драгунскій полкъ и немедленно покинулъ Петербургъ.

III.

(1837—1841).

1.

Годъ жизни на
Кавказѣ. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Вторая высылка на Кавказъ.
— Послѣдній годъ жизни поэта; дуэль и смерть.

Достигнувъ Кавказа, знакомаго уже Лермонтову по дѣтскимъ и отроческимъ впечатлѣніямъ, онъ, по дорогѣ въ Кахетію, гдѣ стоялъ его Нижегородскій полкъ, остановился на нѣкоторое время въ Пятигорскѣ для лѣченія отъ схваченнаго ревматизма. Здѣсь онъ, между прочимъ, встрѣтилъ своего бывшаго товарища по Университетскому Пансіону Н. М. Сатина, друга Герцена и Огарева, а у него познакомился и съ Бѣлинскимъ, который впослѣдствіи такъ много сдѣлалъ для выясненія особенностей поэзіи Лермонтова. Однако первая встрѣча этихъ двухъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей тогдашней русской литературы не доставила имъ обоимъ никакого удовольвленія: Лермонтовъ увидѣлъ пока въ критикѣ „недоучившагося фанфарона“, а Бѣлинскій въ поэтѣ — „пошляка“; впослѣдствіи имъ пришлось встрѣтиться еще разъ, уже при другихъ обстоятельствахъ, и впечатлѣніе получилось съ обѣихъ сторонъ совершенно иное. Въ 1837 году Нижегородскій полкъ мало принималъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, и Лермонтовъ вплоть до осени употребилъ время на разъѣзды по Кавказу (отъ Кизляра до Тамани, въ Шушѣ, Шемахѣ, Кахетіи), набираясь живыхъ и разнообразныхъ впечатлѣній, а въ октябрѣ того же года былъ помилованъ и переведенъ на службу въ Гродненскій гусарскій полкъ, стоявшій подъ Новгородомъ. Здѣсь онъ провелъ лишь зиму и, во вниманіе къ новымъ просьбамъ Е. А. Арсеньевой, къ веснѣ 1838 года снова оказался на службѣ въ прежнемъ своемъ Лейбъ-Гвардіи Гусарскомъ полку. Такимъ образомъ, первая высылка обратилась для Лермонтова

лишь въ годичную, и притомъ весьма интересную, прогулку. За ней наступаетъ второй періодъ офицерской службы Лермонтова въ Петербургѣ, продолжавшійся два года и окончившійся весьма неприятнымъ для него оборотомъ его личной судьбы: встрѣтившись на балу у графини Лаваль съ сыномъ французскаго посланника Э. Барантомъ, Лермонтовъ былъ вызванъ имъ на дуэль, и хотя поединокъ этотъ окончился безъ вреда для обоихъ противниковъ, однако Лермонтовъ былъ судимъ, и въ апрѣлѣ 1840 года переведенъ, по Высочайшей волѣ, въ стоявшій на Кавказѣ Тенгинскій пѣхотный полкъ.

Отъ этой поры пребыванія Лермонтова въ Петербургѣ мы имѣемъ о немъ нѣсколько отзывовъ, изъ которыхъ три, идущіе отъ В. Г. Бѣлинскаго, И. С. Тургенева, и Ю. О. Самарина, особенно интересны. Бѣлинскій, посѣтившій Лермонтова въ тѣ дни, когда тотъ сидѣлъ на гауптвахтѣ по дѣлу о дуэли съ Барантомъ, такъ писалъ объ этомъ свиданіи Боткину: „Недавно былъ я у Лермонтова въ заточеніи, и въ первый разъ поразговорился съ нимъ отъ души. Глубокій и могучій духъ! Какъ онъ вѣрно смотритъ на искусство, какой глубокой и чисто непосредственный вкусъ изящнаго! О, это будетъ русскій поэтъ съ Ивана Великаго! Чудная натура! Я былъ безъ памяти радъ, когда онъ сказалъ мнѣ, что Куперъ выше В. Скотта, что въ его романахъ больше глубины и больше художественной цѣлости. Я давно такъ думалъ и еще перваго челоуѣка встрѣтилъ, думающаго такъ же. Передъ Пушкинымъ онъ благоговѣетъ, и больше всего любитъ „Онѣгина“... Печоринъ — это онъ самъ какъ есть. Я съ нимъ спорилъ, и мнѣ отраднo было видѣть въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей сѣмена глубокой вѣры въ достоинство того и другого. Я это сказалъ ему — онъ улыбнулся и сказалъ: дай Богъ! Отзывъ этотъ представляетъ, какъ уже упомянуто, полную противоположность тому мнѣнію, которое составилъ о поэтѣ Бѣлинскій послѣ перваго знакомства съ нимъ въ Пятигорскѣ. И. С. Тургеневъ встрѣтилъ Лермонтова въ домѣ княгини Шаховской:

45.546
Białymostku

„Въ наружности Лермонтова — говорить онъ — было что-то зловѣщее; какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью вѣяло отъ его смуглаго лица, отъ его большихъ и неподвижно-темныхъ глазъ. Ихъ тяжелый взоръ странно не согласовался съ выраженіемъ почти дѣтски-нѣжныхъ и выдававшихся губъ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, съ большой головой на сутулыхъ, широкихъ плечахъ, возбуждала ощущение непріятное; но присущую мощь тотчасъ сознавалъ всякій . . . Внутренно Лермонтовъ, вѣроятно, скучалъ глубоко; онъ задыхался въ тѣсной сферѣ, куда его втокнула судьба“. Наконецъ, Самаринъ видѣлъ Лермонтова въ Москвѣ, гдѣ поэтъ пробылъ около мѣсяца проѣздомъ въ новую ссылку на Кавказъ: „Я часто видѣлъ Лермонтова за все время его пребыванія въ Москвѣ. Это чрезвычайно артистическая натура, неуловимая и неподдающаяся никакому внѣшнему вліянію . . . Вы еще не успѣли съ нимъ заговорить, а онъ васъ уже насквозь раскусилъ; онъ все замѣчаетъ; его взоръ тяжель, и чувствовать на себѣ этотъ взоръ утомительно“.

На этотъ разъ, будучи прикомандированъ къ отряду генерала Галафѣева, Лермонтовъ принималъ въ военныхъ событіяхъ уже гораздо болѣе дѣятельное участие: лѣтомъ и осенью 1840 года онъ совершилъ два похода на Чечню и, вмѣстѣ съ тѣмъ, велъ журналъ военныхъ дѣйствій своего отряда; между прочимъ, 11 іюля онъ участвовалъ въ кровопролитномъ сраженіи при Валерикѣ и описалъ его въ небольшой поэмѣ „Валерикъ“, написанной въ видѣ письма къ своей давней московской пріятельницѣ В. А. Лопухиной. Однако, не нося въ себѣ настоящей любви къ военному дѣлу, Лермонтовъ и тутъ, насколько это было возможно, отлучался отъ своего отряда въ болѣе или менѣе продолжительные отпуска: побывалъ въ Пятигорскѣ и Кисловодскѣ, съѣздитъ даже въ Крымъ, а въ январѣ 1841 года получилъ отпускъ и въ Петербургъ. Это было послѣднее пребываніе Лермонтова въ сѣверной столицѣ, гдѣ онъ особенно усердно предавался веселью.

Неохотно покидалъ Лермонтовъ Петербургъ; онъ безуспѣшно мечталъ о полной отставкѣ и, пропустивъ всякіе сроки, уѣхалъ лишь послѣ настойчиваго приказанія оставить столицу въ теченіе 48 часовъ. Онъ какъ будто предчувствовалъ свою близкую смерть, увѣряя своихъ друзей, что живымъ къ нимъ болѣе не вернется. По дорогѣ, проѣзжая черезъ Москву, онъ познакомился съ извѣстнымъ нѣмецкимъ поэтомъ и критикомъ Фридрихомъ Боденштедтомъ, впоследствии талантливымъ переводчикомъ Лермонтова на нѣмецкій языкъ и распространителемъ его поэтической славы въ Германіи. Какъ слѣдъ этого свиданія съ поэтомъ, Боденштедтъ оставилъ намъ о Лермонтовѣ слѣдующій интересный отзывъ: „Лермонтовъ вполне умѣлъ быть милымъ. Отдаваясь кому-нибудь, онъ отдавался отъ всего сердца; только едва ли это съ нимъ часто случалось . . . Людей же, недостаточно знавшихъ его, чтобы извинять его недостатки за его высокія, обаятельныя качества, онъ скорѣе отталкивалъ, нежели привлекалъ къ себѣ, давая слишкомъ много воли своему нѣсколько колкому остроумію. Впрочемъ, онъ могъ быть, въ то же время, кротокъ и нѣженъ какъ ребенокъ, и вообще въ характерѣ его преобладало задумчивое, часто грустное настроеніе. Серьезная мысль была главною чертою его благороднаго лица, какъ и всѣхъ значительнѣйшихъ его твореній, къ которымъ его легкія, шутивыя произведенія относятся такъ же, какъ его насмѣшливый, тонко-очерченный ротъ къ его большимъ, полнымъ думы глазамъ“. Путь Лермонтова лежалъ собственно въ крѣпость Шуру, къ его Тенгинскому полку, но по дорогѣ онъ повернулъ на Пятигорскъ и здѣсь получилъ разрѣшеніе остаться на цѣлое лѣто для лѣченія минеральными водами. Въ Пятигорскѣ Лермонтовъ, по обыкновенію, окруженъ былъ обществомъ старыхъ друзей и знакомыхъ — А. А. Столыпина, князя А. И. Васильчикова, М. Н. Глѣбова, Н. С. Мартынова, — велъ веселую разсѣянную жизнь и проводилъ время въ безпрестанныхъ пикникахъ и прогулкахъ. На одной изъ вечеринокъ въ домѣ жены генерала П. С. Верзилиной, гдѣ очень охотно собиралась офи-

церская молодежь, у Лермонтова произошла ссора съ его бывшимъ товарищемъ по юнкерской школѣ Мартыновымъ, объясняемая постоянно раздраженнымъ состояніемъ духа Лермонтова и его наклоностью къ насмѣшкамъ. Въ результатѣ этого столкновенія состоялась, утромъ 15 іюля 1841 года, между Лермонтовымъ и Н. С. Мартыновымъ дуэль въ окрестностяхъ Пятигорска, у подошвы горы Машука. Лермонтовъ былъ убитъ наповаль, и временно погребенъ былъ сначала недалеко отъ мѣста дуэли, а въ слѣдующемъ году тѣло его перевезено было въ пензенское имѣніе его родственниковъ Тарханы, гдѣ и погребено въ семейномъ склепѣ 23 апрѣля 1842 года.

2.

Поэтическая дѣятельность въ послѣдніе четыре года жизни. — Историческая цѣнность всей поэзіи Лермонтова.

Поразительна та быстрота, съ которой зрѣло поэтическое дарованіе Лермонтова; не смотря на молодость поэта и разсѣянный характеръ его жизни, талантъ его въ послѣдніе четыре года достигъ, съ внѣшней стороны, полной артистической законченности. Почти исключительно въ эти четыре года Лермонтовымъ создано было все то, что сдѣлало имя его славнымъ въ нашей литературѣ и въ чемъ современники его видѣли главное право Лермонтова считаться преемникомъ Пушкина. Однако слѣдуетъ имѣть въ виду, что и въ эти послѣдніе годы Лермонтовъ въ поэзіи не перестаетъ разрабатывать свою собственную личность, оставаясь поэтомъ въ высшей степени субъективнымъ; только самая личность его удивительно разрастается, воспринимая въ себя и олицетворяя собою глубокую сосредоточенность мысли и идейныхъ стремленій, вдумчивый интересъ къ родному народу и исторіи, слияніе съ природой, наконецъ — поиски религіознаго успокоенія, поскольку такое успокоеніе было достижимо для мятежной души Лермонтова.

Многіе изъ современниковъ Лермонтова видѣли въ немъ лишь подражателя Байрону; это мнѣніе въ смягченномъ видѣ поддерживали отчасти и нѣкоторые представители нашей критики, усматривая въ поэзіи Лермонтова разработку по преимуществу байроническихъ мотивовъ. Но этотъ взглядъ страдаетъ односторонностью и въ основѣ своей не вполнѣ вѣренъ. Конечно, нельзя отрицать, что поэзія Байрона, имѣвшая въ первыя десятилѣтія 19-го вѣка такое огромное вліяніе на весь европейскій міръ, была хорошо знакома и близка Лермонтову; онъ увлекался байроновскими идеями „мировой скорби“, жаждой личной свободы, идеализаціей жестокихъ сторонъ человѣческой природы. Въ первые годы Лермонтовъ прямо подражалъ Байрону въ своихъ поэтическихъ опытахъ, да и впоследствии сохранилъ въ себѣ многіе общіе съ Байрономъ душевные и поэтическіе элементы. Это обстоятельство имѣетъ свои опредѣленные причины. Въ личной судьбѣ двухъ поэтовъ было кое-что общее. Прежде всего — домашнія условія: Байронъ тоже жилъ вдали отъ отца, и когда отецъ пріѣзжалъ къ нему, то мальчикъ бывалъ свидѣтелемъ тяжелыхъ сценъ между отцомъ и матерью; по своей любви къ сыну и по наклоности къ преувеличенному баловству его, мать Байрона напоминаетъ бабушку Лермонтова въ ея отношеніяхъ къ своему внуку; оба отца были людьми небогатыми и являлись лишь изрѣдка наблюдателями той роскоши, въ которой воспитывались ихъ сыновья; воспитаніе это проходило, въ обоихъ случаяхъ, главнымъ образомъ среди женскаго элемента. Затѣмъ, между Байрономъ и Лермонтовымъ были черты сходства и чисто физическаго характера: Байронъ съ дѣтства былъ на одну ногу полукалѣжкой и, желая нравиться женщинамъ, съ юныхъ лѣтъ испытывалъ иногда горькое и безсильное чувство обиды; Лермонтовъ, по отзывамъ многихъ его современниковъ, тоже былъ „дурень собой“, сутуловатъ, отчасти кривоногъ, и также страдалъ отъ мысли, что эти недостатки роняютъ его въ мнѣніи женскаго общества; подобно Байрону, онъ старался вознаградить себя

за эти природные недостатки особымъ развитіемъ физической силы и ловкости, напримѣръ въ верховой ѣздѣ. Наконецъ, оба поэта, щедро одаренные отъ природы тонкимъ умомъ, пылкой душой и поэтическимъ воображеніемъ, жили приблизительно въ одну и ту же эпоху европейской жизни (Байронъ род. 1788, ум. 1824), переживая воздѣйствіе сходныхъ впечатлѣній и міровыхъ историческихъ воспоминаній. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и въ образѣ мыслей, въ содержаніи и характерѣ поэтической дѣятельности между ними оказалось нѣчто общее. Однако между Лермонтовымъ и Байрономъ было еще больше разницы, которую самъ Лермонтовъ, какъ бы отвѣчая на упреки ему въ байронизмъ, еще очень рано (въ 1831 году) выразилъ такими словами:

Нѣтъ, я не Байронъ: я другой,
Еще невѣдомый избранникъ, —
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой . . .

Говоря о своей „русской“ душѣ, Лермонтовъ былъ, конечно, далекъ отъ мысли отъ какой-либо своей особенной исключительности въ національномъ смыслѣ, хотя въ немъ не смотря на иностранное воспитательное вліяніе въ дѣтствѣ и усердное чтеніе иностранной литературы, отразилась съ замѣчательной чистотой душа именно русскаго человѣка его времени, съ ея широкими запросами, стремленіемъ къ безгранично-захватывающему идеалу и жаждой подвига. И эта душа нашла себѣ наиболѣе яркое и разностороннее воплощеніе въ поэтическихъ трудахъ Лермонтова за послѣдній періодъ его дѣятельности.

Основной темой его поэтическихъ признаній является попрежнему душевная тоска, грустное чувство неудовлетворенности, нравственнаго одиночества. Изъ множества стихотвореній этого рода довольно привести одно, захватывающее читателя необыкновенной искренностью тона:

И скучно, и грустно, и не кому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды . . .
Желанья? . . . Что пользы напрасно и вѣчно желать?
А годы проходятъ — всѣ лучшіе годы!
Любить . . . но кого же? . . . На время — не стоить труда,
А вѣчно любить невозможно . . .
Въ себя ли заглянешь, — тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда;
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно . . .
Что страсти? — вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій
недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка . . .
И жизнь, какъ помотришь съ холоднымъ вниманьемъ
вокругъ, —
Такая пустая и глупая шутка! . . . (1840)

Соч. II, с. 286—287.

Этотъ безотрадный взглядъ переносилъ Лермонтовъ и на свое поэтическое призваніе — въ стихотвореніи „Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой“ . . . (Соч. II, 255—256)—, и даже на всю полноту своей человѣческой личности, какъ члена той общественной среды и того поколѣнія, къ которому онъ принадлежалъ: тутъ невольно припоминается его знаменитая „Дума“ (1838):

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно;
Межъ тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно . . . и т. д.

Соч. II, с. 252—253.

Однако было бы ошибкою видѣть въ этихъ и подобныхъ признаніяхъ Лермонтова обыкновенный „скептицизмъ“, нерѣдко проявляемый самыми заурядными натурами въ силу ихъ эгоизма или отсутствія дѣятельной мысли. Поэтъ, напротивъ, носилъ въ своей душѣ самые серьезные нравственные

запросы, обладал пылкой и чувствительной душой, стремившейся къ добру и дѣятельной любви; его видимая „разочарованность“ была именно результатомъ глубокаго душевнаго идеализма, жажды вѣры. Горячность этихъ стремленій и приводила Лермонтова къ тому внутреннему разладу, сознание котораго постоянно носилъ онъ въ своей душѣ; стремясь къ слиянію съ „душой родной“, онъ постоянно чувствовалъ однако же нравственную отчужденность отъ жизни, и окружающее казалось ему ничтожнымъ по сравненію съ его требованіями, ожиданіями и надеждами; поэтъ чувствовалъ себя какъ бы обманутымъ, заброшеннымъ, ненужнымъ для людей съ ихъ, какъ казалось ему, черствой душой. Особенной глубины и выразительности достигло это чувство нравственной оторванности въ стихотвореніи „Благодарность“ (1840):

За все, за все Тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За мечь враговъ и клевету друзей,
За жаръ души, растроченный въ пустынѣ,
За все, чѣмъ я обмануть въ жизни былъ.
Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ.

Соч. II, с. 288.

Томясь душевной тревогой, не находя гармоніи въ людскихъ сердцахъ, Лермонтовъ, какъ натура глубокопоэтическая, искалъ успокоенія въ религіозномъ чувствѣ, въ общеніи съ природой, и претворялъ эти исканія въ необыкновенно художественныя формы. Вотъ—одинъ изъ такихъ моментовъ душевной гармоніи поэта, достигнутой путемъ обращенія къ Вѣчному Источнику силы и любви и изображенный въ стихотвореніи „Молитва“ (1839):

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится-ль въ сердце грусть,

Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышитъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко —
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко . . .

Соч. II, с. 256—257.

Въ другой „молитвѣ“ поэтъ просить уже не за себя, а за невинную дѣтскую душу, отозванную Создателемъ въ лучшій міръ (Соч. II, с. 208).

Къ природѣ обращается Лермонтовъ въ своихъ поэтическихъ созерцаніяхъ очень часто, но онъ живописуетъ ея красоты не столько ради ихъ эстетической цѣнности, сколько для того, чтобы при ихъ помощи, путемъ сопоставленія, выразить свое собственное душевное настроеніе. Подобно Пушкину, Лермонтовъ любилъ въ особенности природу Кавказа и во многихъ своихъ произведеніяхъ далъ дивныя картины этого края.

Нѣкоторыя изъ стихотвореній Лермонтова, посвященныя природѣ, представляютъ собою удивительное сочетаніе картинъ природы съ жизнью и чувствами человѣческой души:

Утесъ.

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана;
Утромъ въ путь она умчалась рано,
По лазури весело играя.

Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса. Одиноко
Онъ стоитъ; задумался глубоко,
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ...

Соч. II, с. 341.

Т у ч и.

Тучки небесныя, вѣчныя странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники,
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

Кто же васъ гонить: судьбы ли рѣшеніе?
Зависть ли тайная? злоба-ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?

Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя...
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно холодныя, вѣчно свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

Соч. II, с. 289.

Есть извѣстіе, что это стихотвореніе набросано было Лермонтовымъ въ домѣ Карамзиныхъ, передъ самымъ моментомъ отъѣзда его на Кавказъ, послѣ дуэли съ Барантомъ, въ 1840 году, когда лошади стояли уже у подъѣзда.

Сюда же относятся не менѣе извѣстныя полупереводныя „Изъ Гете“ (Соч. II, 288) и „Сосна“ (Соч. II, 289). Приведемъ послѣднее:

(Изъ Гейне).

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна
И дремлетъ качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.

И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горячемъ
Прекрасная пальма растеть.

Въ этихъ двухъ стихотвореніяхъ гармонія содержанія и формы столь совершенна, что ихъ нужно поставить не только по внѣшнему выраженію, но и по мысли, по проникающему ихъ настроенію въ разрядъ самостоятельныхъ поэтическихъ твореній Лермонтова, а выполненіе такихъ переводовъ вызываетъ еще большее удивленіе таланту Лермонтова, чѣмъ его самостоятельныя произведенія этого рода, такъ какъ тутъ ему приходилось считаться не только съ самимъ собой, но и съ поэтической индивидуальностью авторовъ другой національности.

Къ природѣ подходилъ Лермонтовъ не съ одной только мыслью найти въ ней символы для своихъ поэтическихъ созерцаній и душевныхъ переживаній или для добыванія яркихъ красокъ на свою артистическую палитру; онъ обращался къ природѣ также и какъ къ живому началу, ища въ ней отвѣта на тревожные вопросы своего духа или сочувствія себѣ въ минуты особенно остраго ощущенія одиночества и сердечной тоски. Отвѣтъ на эти обращенія, конечно, всецѣло зависѣлъ отъ самого поэта. То природа, особенно въ своихъ мирныхъ краскахъ, навѣвала на его душу успокоеніе:

Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;
Когда студеныи ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,

Лепечеть мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ :
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.

Соч. II, с. 208.

То, съ другой стороны, въ обстановкѣ болѣе таинственной, она напоминаетъ ему не только говоръ звѣздъ, но и холодъ могилы:

Выхожу одинъ я на дорогу.
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ ;
Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздой говорить.
Въ небесахъ торжественно и чудно !
Спитъ земля въ сияньи голубомъ ...
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно :
Жду-ль чего ? жалѣю ли о чемъ ?
Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть.
Я ищу свободы и покоя ;
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть.
Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы :
Я бъ желалъ навѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дремали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь ;
Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

Соч. II, с. 347—348.

Послѣднее четверостишіе такъ и просится на сравненіе съ двумя послѣдними строфами знаменитыхъ „Стансовъ“

Пушкина: „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“... Тамъ поэтъ, не думая лично о себѣ, любовно мыслить только о „миломъ предѣлѣ“ (родинѣ) и о „младой жизни“ (новомъ поколѣніи), которая будетъ играть у его гробового входа при вѣчномъ свѣтѣ „равнодушной природы“, а Лермонтовъ сосредоточилъ все вниманіе на себѣ, желая и въ могилу унести утѣхи земной жизни — любовь и красоту.

Наконецъ, независимо отъ поэтическихъ или душевно-личныхъ цѣлей, Лермонтовъ обращался къ природѣ и цѣнилъ ее какъ живительное начало, вѣчно обновляющееся и потому никогда не умирающее, при этомъ щедрое своими дарами и часто беззащитное противъ насилія грубой человѣческой руки: таково великолѣпное стихотвореніе „Три пальмы“, внѣшнія поэтическія красоты котораго, роскошь описательной фантазіи и музыка стиха такъ очаровываютъ читателя, что онъ почти забываетъ о внутренней идеѣ этой удивительной баллады; а идея эта — тоска поэта по внутренней гармоніи міра, въ которомъ онъ видѣлъ главнымъ образомъ разъединеніе между человѣкомъ и природой, отсутствіе ихъ взаимной духовной связи.

Въ поэтическихъ признаніяхъ послѣднихъ лѣтъ Лермонтова, рядомъ съ продолжающейся въ его душѣ борьбой страстей и противорѣчій, проскальзываютъ, подобно тому какъ и у Пушкина, поиски сближенія съ родной дѣйствительностью, которая до того времени какъ бы пугала поэта своей скромной неприглядностью; съ годами эта отвлеченная требовательность уступила мѣсто болѣе простому и здоровому взгляду на окружающую дѣйствительность, которая, не смотря на все свои недочеты, таила въ себѣ нѣчто дорогое и нужное; эта именно инстинктивная жажда близости къ своему родному и нашла себѣ выраженіе въ стихотвореніи „Отчизна“ (1841):

Люблю отчизну я, но странною любовью,
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой!
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,

Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.
Но я люблю — за что, не знаю самъ —
Ея полей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ дремучихъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
И, взоромъ медленно пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащія огни печальныхъ деревень;
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи ночующій обозъ,
И на холмѣ средь желтой нивы
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ.

Соч. II, с. 330.

На этой почвѣ тяготѣнія къ родному — не только въ настоящемъ, но и въ прошломъ — возникло и нѣсколько произведеній Лермонтова изъ области русской исторіи или стараго русскаго быта. Лучшими изъ нихъ являются „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“ (1837) и „Бородино“ (1837).

„Пѣсня“ рассказываетъ печальное событіе изъ жизни купца Калашникова, при Иванѣ Грозномъ, обиженнаго опричникомъ Кирибѣвичемъ, отомстившаго ему за свой позоръ и за то сложившаго голову на плахѣ. Есть извѣстіе, что поводомъ къ написанію этого произведенія послужило

Лермонтову дѣйствительное событіе, случившееся въ Москвѣ въ годы ученья его въ университетѣ: гусаръ, тщетно ухаживавшій за женою одного купца, похитилъ однажды ее съ улицы, когда она возвращалась изъ церкви; мужъ отомстил за поруганіе семьи и, арестованный, затѣмъ наложилъ на себя руки. Высокая художественная обработка поэмы и вѣрность характеру подлинныхъ историческихъ пѣсенъ, воспѣвающихъ эпоху Ивана Грознаго, свидѣтельствуеетъ не только о тонкомъ поэтическомъ чутьѣ Лермонтова къ старинѣ и народности, но и о добросовѣстномъ изученіи пѣсенной старины по доступнымъ тогда источникамъ—вѣроятное всего по извѣстному сборнику Кириши Данилова: тамъ, на примѣръ въ былинахъ о Ставрѣ и о Мастрюкѣ Темрюковичѣ, есть именно описаніе царскихъ пировъ и кулачныхъ боевъ, а также характеристика „удалыхъ опричниковъ“. Поэтическія красоты пѣсни, изобилующей рядомъ интересныхъ эпизодовъ, и вѣрность исторіи, складу народныхъ пѣсенъ и языку ихъ обезпечили этому произведенію Лермонтова извѣстность не только у себя на родинѣ, но и за границей: упомянутый Фр. Боденштедтъ отмѣчаетъ въ ней, при исторической правдѣ, силу и простоту, которыя производили сильнѣйшее впечатлѣніе во многихъ германскихъ городахъ, гдѣ эта „пѣсня“ была читана публично. Наибольше сильныя мѣста этого произведенія въ поэтическомъ смыслѣ — пиръ царскій, встрѣча Калашниковымъ, вернувшейся домой жены, кулачное единоборство купца съ опричникомъ. Очень характерны заглавія въ началѣ и въ концѣ поэмы:

Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Про тебя нашу пѣсню сложили мы,
Про твою любимаго опричника,
Да про смѣлаго купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный ладъ,
Мы пѣвали ее подъ гуслирный звонъ,
И причитывали, да присказывали.
Православный народъ ею тѣшился,

А бояринъ Матвѣй Ромодановскій
Намъ чарку поднесъ меду пѣннаго;
А боярыня его бѣлолица
Поднесла намъ на блюдѣ серебряномъ
Полотенце новое, шелкомъ шитое.
Угощали насъ три дня, три ночи
И все слушали — не наслушались.

* * *

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые
Голоса заливные!

Красно начинали — красно и кончайте;
Каждому правдою и честью воздайте.
Тароватому боярину слава!
И красавицъ - боярынь слава!
И всему народу христіанскому слава!

Соч. II, с. 215. 229.

Если „Пѣсня“ про купца Калашникова представляет собою строго эпическое произведение, выдержанное въ духѣ былинной старины, то „Бородино“ — яркая историческая картинка, написанная въ формѣ разсказа солдата, участника знаменитаго сраженія, въ отвѣтъ на вопросъ о томъ, почему Москва была сдана Наполеону. Самое содержаніе этого разсказа, въ цѣломъ и въ подробностяхъ, общій тонъ повѣствованія и, наконецъ, языкъ — все вѣрно историческому моменту, захваченному поэтомъ. Это произведение Лермонтова получило первый свой зародышъ еще въ 1830 году („Поле Бородина“), но обработка того же сюжета черезъ семь лѣтъ показываетъ огромный шагъ впередъ, сдѣланный Лермонтовымъ въ его поэтическомъ развитіи: тамъ, въ юношескомъ произведеніи, выступаетъ наклонность къ романтическимъ эффектамъ и неестественность общаго тона; здѣсь же, вмѣсто этого, мы

видимъ сосредоточенную сдержанность и спокойствіе, только увеличивающія общее впечатлѣніе отъ стихотворенія. Еще болѣе высоко стоитъ „Бородино“ надъ попытками другихъ поэтовъ воспѣть въ стихахъ историческую битву (напр. Дениса Давыдова) и цѣлой массой такъ называемыхъ „народныхъ пѣсенъ“ на ту же тему, въ которыхъ вызывающій тонъ побѣдителя (въ конечномъ результатѣ войны) и надменные насмѣшки надъ врагомъ поражаютъ полнымъ несоотвѣтствіемъ съ исторической и бытовой дѣйствительностью. Приведемъ для примѣра изъ „Бородина“ картину боя, исполненную необыкновенной живости и движенія:

И только небо засвѣтилось,
Все шумно вдругъ зашевелилось.
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
„Ребята, не Москва-ль за нами?
Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!“
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.
Ну-жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами, —
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!...
Носились знамена какъ тѣни,

Въ дыму огонь блестяль,
Звучаль булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣль.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значить русскій бой удалый,

Нашъ рукопашный бой!...
Земля тряслась, какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій

Слились въ протяжный вой...
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Завтра бой затѣять новый

И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны,
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать...

Соч. II, с. 205 — 207.

Внутреннее патриотическое чувство поэта, проникающее это стихотвореніе въ его цѣломъ, получаетъ тѣмъ болѣе высокій нравственный отпечатокъ, что соединяется съ уваженіемъ къ противнику; лично Наполеонъ не нашель тутъ изображенія, потому что весь рассказъ сосредоточенъ на общемъ ходѣ событія, съ участіемъ народныхъ массъ, рѣшавшихъ все дѣло; но легендарно-эпическая личность великаго завоевателя нашла себѣ изображеніе подъ перомъ Лермонтова въ балладѣ „Воздушный корабль“, являющейся переработкой двухъ произведеній нѣмецкаго поэта I. X. Цедлица на ту же тему; заимствованное Лермонтовымъ содержаніе облечено тутъ въ такую цѣлостную форму, что все произведеніе должно быть по справедливости признано принадлежащимъ нашему поэту въ такой

же степени, какъ и его иностранному образцу. Впрочемъ, то же самое нужно сказать и вообще о переводахъ Лермонтова: онъ переводилъ очень немного, но бралъ для перевода лишь то, что вполне соответствовало его собственному духу и настроенію, было имъ внутренне пережито и, обратившись въ его личное душевное достояніе, получало уже вполне самостоятельную, оригинальную поэтическую форму.

Къ послѣднимъ же годамъ жизни Лермонтова относится и окончательная обработка двухъ крупнѣйшихъ его произведеній — поэмы „Демонъ“ и романа въ прозѣ „Герой нашего времени“.

„Демонъ“ составлялъ любимѣйшее созданіе поэтической мысли Лермонтова, занимавшее его воображеніе въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. Сюжетомъ этой поэмы онъ началъ заниматься еще въ 1829 году, въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ, и продолжалъ его обработку до конца жизни; имѣется до шести редакцій этого произведенія, значительно разнящихся между собою, а напечатано оно было уже послѣ смерти автора.

Въ 1839 году значительно созрѣвшій геній Лермонтова далъ ему возможность, въ неоконченной „Сказкѣ для дѣтей“, взглянуть на любимый замыселъ своей юности болѣе или менѣе независимо. Тамъ онъ рисуетъ „Демона“ такими чертами:

Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній,
Какъ царь, нѣмой и гордый, онъ сиялъ
Такой волшебной-сладкой красотой,
Что было страшно... И душа тоскою
Сжималася; и этотъ дикій бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ.
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдѣлался стихами!

Соч. II, с. 269.

Но въ дѣйствительности поэтъ никогда не „отдѣлался“ отъ этого „могучаго образа“, потому что не могъ отдѣлаться отъ самого себя: „демонъ“, какъ наличность и внутренняя борьба страстей, какъ умственная тревога и какъ душевное настроеніе, постоянно жилъ въ Лермонтовѣ, составляя значительную долю его духовнаго существа; „демонъ“ — это самъ Лермонтовъ съ его мятежной душой, безграничными порывами, духовной силой и вѣчной неудовлетворенностью. Хотя сюжетъ поэмы — борьба злого начала съ воплощеніемъ добра и кротости (въ лицѣ Тамары) и окончательная побѣда добраго начала — не новъ и много разъ обрабатывался въ западно-европейской литературѣ, напр. въ Гетевомъ „Фаустѣ“, но Лермонтовъ далъ ему исполнѣ оригинальную обработку. Поэтическія красоты этого произведенія столь велики, что заставляютъ забывать даже первоначальную нравоучительную цѣль этого сюжета. Удивительныя картины кавказской природы, живость и красота разсказа, драматизмъ многихъ положеній, необыкновенно образный поэтическій языкъ и точно выкованный изъ стали стихъ — все это и теперь производитъ неотразимое впечатлѣніе, а на поколѣніе болѣе близкое къ Лермонтову дѣйствовало еще болѣе обаятельно: русское общество переживало тогда (въ 30-ые и 40-ые годы 19-го вѣка) эпоху идеализма и, читая „Демона“ въ спискахъ, находило въ немъ отзвукъ своимъ господствующимъ настроеніямъ. Въ свою очередь, и самый замыселъ написать подобную поэму свидѣлствуетъ о томъ, что Лермонтовъ глубоко переживалъ умственные теченія своего времени, вложивъ въ осуществленіе этого поэтическаго плана свою собственную душевную личность. Въ этомъ взаимодействіи личности поэта и общества заключается и главнѣйшее историческое значеніе „Демона“.

„Герой нашего времени“, вышедшій еще при жизни автора въ двухъ изданіяхъ (1840—1841), является попыткой Лермонтова изобразить въ формѣ романа лицо, которое также давно занимало его воображеніе. Это лицо — Печоринъ, душевное содержаніе котораго очень близко къ самому автору; подобно

„демону“ и многимъ другимъ поэтическимъ образамъ, созданнымъ Лермонтовымъ, Печоринъ — въ значительной степени самъ Лермонтовъ, поставленный въ извѣстныя отношенія къ людскому обществу, къ окружающей средѣ. Романъ имѣетъ даже прямо автобіографическій интересъ, изображая, по свидѣтельству современниковъ, въ исторіи Печорина дѣйствительныя отношенія Лермонтова къ Варенькѣ Лопухиной и Е. А. Сушковой, съ которыми пришлось встрѣтиться поэту на жизненномъ пути. Съ внѣшней стороны романъ Лермонтова не представляетъ собою цѣльности: это — рядъ отдѣльныхъ очерковъ („Бѣла“, „Максимъ Максимычъ“, „Тамань“, „Княжна Мэри“, „Фаталистъ“), но они объединены между собою личностью главнаго дѣйствующаго лица, Печорина, а три послѣдніе очерка вложены даже въ составъ его „дневника“. Въ Печоринѣ авторъ изобразилъ натуру сложную, полную противорѣчій, гордую, эгоистическую и разочарованную, но вмѣстѣ съ тѣмъ привлекательную своей искренностью и вызывающую сочувствіе къ своимъ душевнымъ страданіямъ. До извѣстной степени это — типъ изъ русскаго общества 30-хъ годовъ 19-го столѣтія, но изображенный авторомъ преимущественно со стороны отрицательной. Самъ Лермонтовъ вложилъ въ Печорина часть своей души, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ попытку отнестись къ созданному имъ лицу критически. Назвавъ съ ироніей Печорина „героемъ“ своего времени и отвѣчая на упреки критики, что авторъ изобразилъ въ Печоринѣ свой собственный портретъ, Лермонтовъ въ предисловіи ко 2 изданію романа говоритъ: „Герой нашего времени — точно портретъ, но не одного человѣка; это портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи“; далѣе онъ прямо указываетъ, что, выводя типъ Печорина, онъ обращаетъ вниманіе на общественную „болѣзнь“, требующую излѣченія. Это признаніе интересно въ томъ отношеніи, что говоритъ о желаніи Лермонтова въ послѣдніе годы своей литературной дѣятельности обратиться къ изображенію цѣлаго русскаго общества, внести въ свою работу не одну только поэтическую,

но и общественную цѣнность. Въ „Героѣ нашего времени“ автору не вполне удалось осуществить это намѣреніе; онъ все еще продолжалъ близко держаться своей собственной личности, но стремленіе его къ выходу на новую дорогу свидѣлствуется о шедшей неудержимо вперед литературной зрѣлости Лермонтова. Наконецъ, изящная простота, выразительность и сила языка въ „Героѣ нашего времени“ указываютъ на то, что и въ области прозы Лермонтовъ является передъ нами первостепеннымъ писателемъ.

Въ такихъ чертахъ представляется намъ теперь поэзія Лермонтова, отдѣленнаго отъ насъ почти тремя четвертями вѣка. Главной основой его творчества является изображеніе собственной личности поэта, его думъ, переживаній, чувствъ и настроеній. Если бы Лермонтовъ былъ личностью заурядной, такое содержаніе его поэзіи не представляло бы большого интереса. Но это былъ человѣкъ исключительный, надѣленный проницательнымъ умомъ, глубиной чувства, пылкой фантазіей и неограниченнымъ стремленіемъ къ идеалу. Въ себѣ самомъ онъ не нашелъ примѣренія противорѣчивыхъ умственныхъ и душевныхъ движеній, но онъ отразилъ въ этой внутренней борьбѣ особенности современнаго ему поколѣнія русскихъ людей 30-хъ и 40-хъ годовъ 19-го вѣка. Отдавъ дань поклоненія Байрону и отчасти другимъ европейскимъ поэтамъ, Лермонтовъ затѣмъ чрезвычайно быстро шелъ по пути своего собственнаго поэтическаго развитія; къ моменту смерти Пушкина онъ былъ уже почти готовымъ и вполне достойнымъ его прѣдоджателемъ. Поэтическая работа Лермонтова была слишкомъ рано прервана, чтобы можно было судить о немъ, какъ о преемникѣ автора „Евгенія Онѣгина“, но сила его природнаго дарованія едва ли уступала гению Пушкина, и можно по справедливости утверждать, что своей

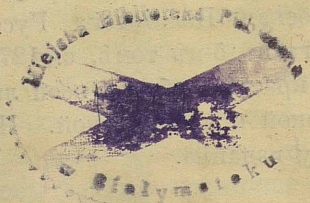
преждевременной смертью Лермонтовъ унесъ въ могилу великія надежды русской литературы. Оставленное Лермонтовымъ поэтическое наслѣдство во всякомъ случаѣ отводить ему одно изъ самыхъ почетныхъ и видныхъ мѣстъ въ исторіи отечественной литературы.

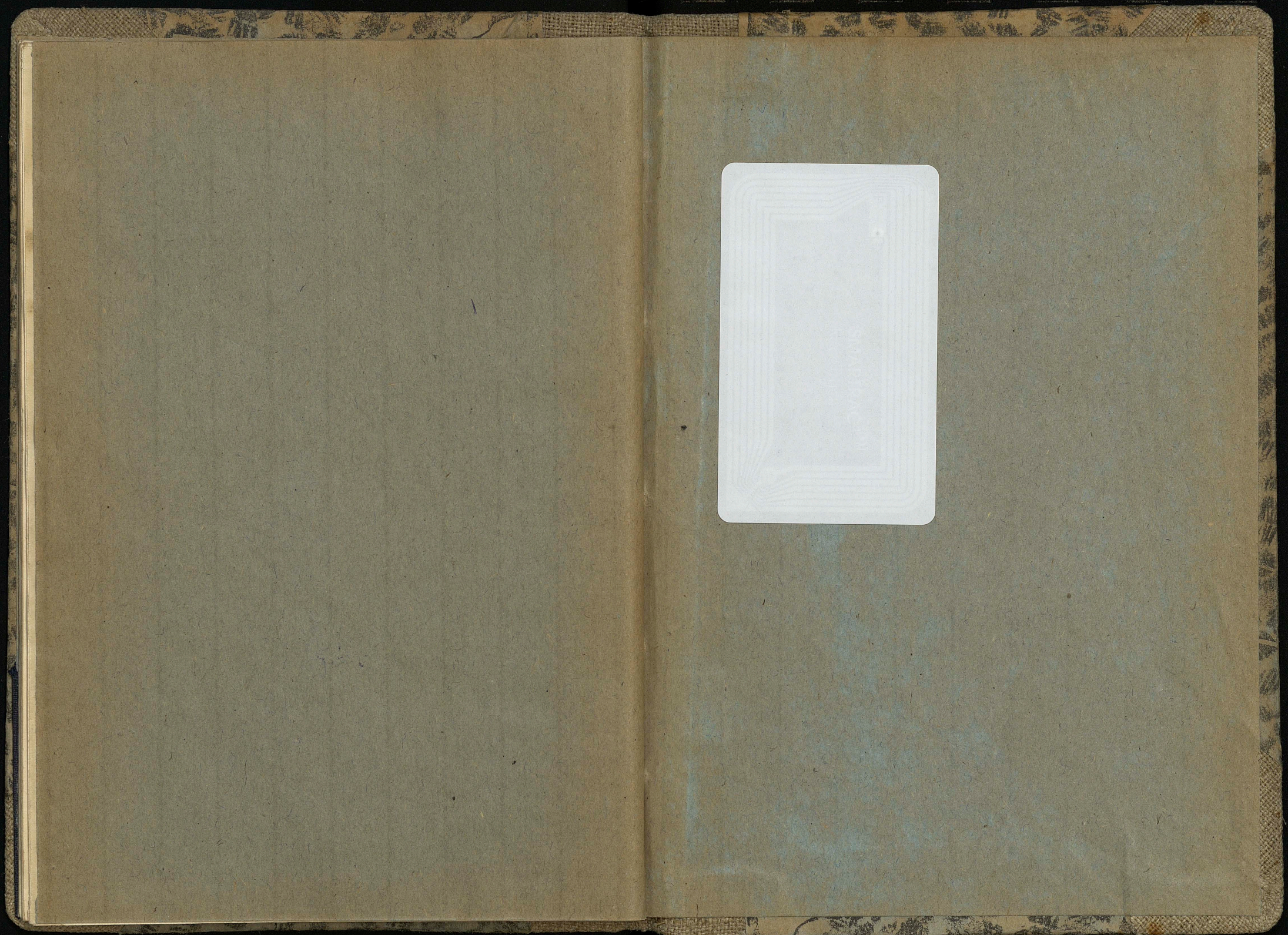
Библиографическое замѣчаніе. Въ нашемъ очеркѣ жизнь и дѣятельность М. Ю. Лермонтова представлена лишь въ краткихъ чертахъ. Болѣе подробное и обстоятельное изложеніе его біографіи можно найти въ трудѣ **П. А. Висковатова**: Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Жизнь и творчество. М. 1891. (въ 7-мъ томѣ „Сочиненій“ М. Ю. Лермонтова, подъ редакціей П. А. Висковатова); разборъ его сочиненій, въ связи съ литературными теченіями и общественной жизнью въ Россіи, данъ въ книгѣ **Н. А. Котляревскаго**: Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Личность поэта и его произведенія. Спб. 1891, 3 изд. 1909. Лучшимъ изданіемъ сочиненій М. Ю. Лермонтова нужно признать: Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Подъ редакціей и съ примѣчаніями проф. **Д. И. Абрамовича** т. 1—5. (Академическая Библиотека Русскихъ Писателей). Спб. 1910—1913; тутъ въ 5-мъ томѣ, с. 127—181, имѣется и прекрасный, хотя и краткій, обзоръ всей литературы о Лермонтовѣ, біографической и критической. Наши ссылки сдѣланы именно по этому изданію.

Содержаніе.

	Стр.
I. (1814—1834). Дѣтство и юность. — Учебные годы. — Первые литературные опыты	4
II. (1834—1837). Жизнь въ Петербургѣ по выходѣ въ офицеры; литературные труды Лермонтова въ эти годы. — Стихи на смерть Пушкина. — Ссылка на Кавказъ	10
III. (1837—1841). 1. Годъ жизни на Кавказѣ. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Вторая высылка на Кавказъ. — Послѣдній годъ жизни поэта; дуэль и смерть	16
2. Поэтическая дѣятельность въ послѣдніе четыре года жизни. — Историческая цѣнность всей поэзіи Лермонтова	20
Библиографическое замѣчаніе	39

13262

A